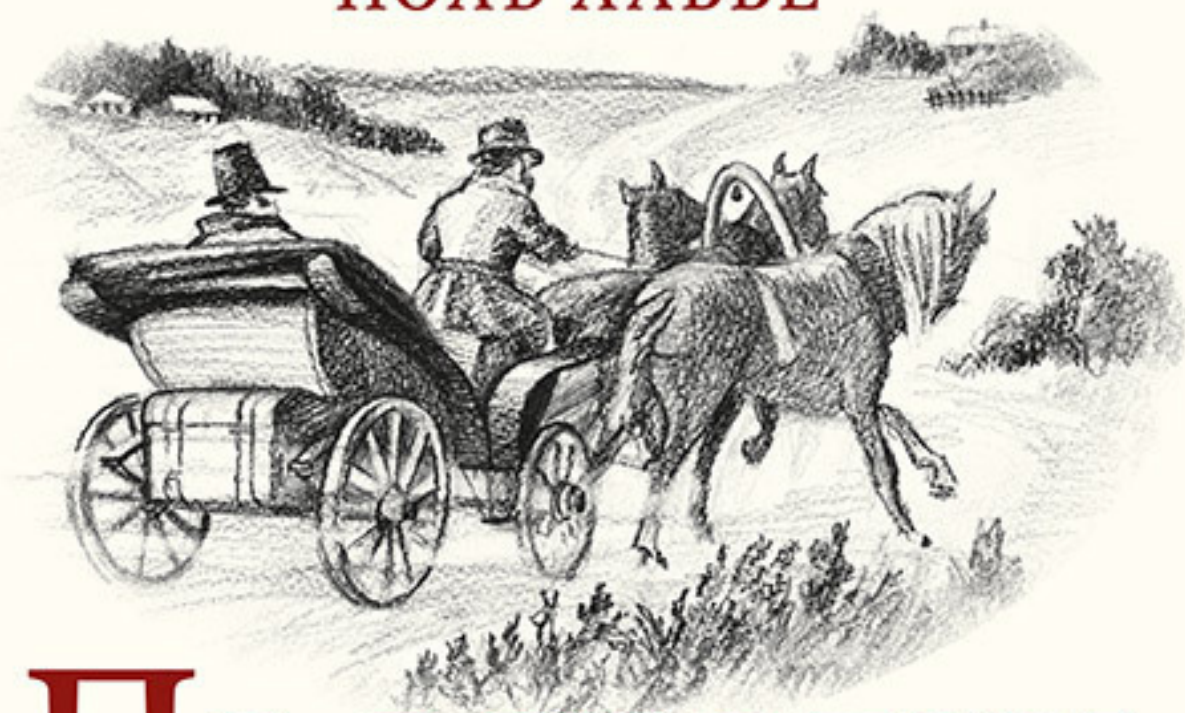

ПОЛЬ ЛАББЕ

По дорогам России

ОТ ВОЛГИ ДО УРАЛА

Поль Лаббе

**По дорогам России
от Волги до Урала**

«Паулсен»

1906

УДК 910.47
ББК 26.89(235.54/235.55)

Лаббе П.

По дорогам России от Волги до Урала / П. Лаббе — «Паулсен»,
1906

ISBN 978-5-98797-152-9

Впервые издающаяся на русском языке книга известного французского путешественника Поля Лаббе (1867–1943) посвящена описанию его поездки летом 1898 г. в Поволжье, на Южный Урал и в Казахстан. Насыщенная яркими бытовыми сценами и ценными этнографическими наблюдениями, она представляет важный источник восприятия российской глубинки европейцем в конце XIX в. Для этнографов, географов, широкого круга читателей.

УДК 910.47
ББК 26.89(235.54/235.55)

ISBN 978-5-98797-152-9

© Лаббе П., 1906
© Паулсен, 1906

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	14
Глава первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Поль Лаббе

По дорогам России от Волги до Урала

© Паулсен, 2017

© Губайдуллина А. Ш., Сахибгареева Л. Ф., пер. с фр., 2017

© Кучумов И. В., предисловие, прим., 2017

* * *

Предисловие

Французский путешественник Поль Лаббе, объездивший большую часть России и опубликовавший по итогам своих поездок несколько книг, практически неизвестен в нашей стране. О нем не упоминает в своих очерках по истории зарубежной этнографии С. А. Токарев, на русском языке нет отдельных работ об этом замечательном исследователе¹, да и в самой Франции о нем, видимо, тоже уже давно забыли.

П. Лаббе (1867–1943) родился в Арпажоне (недалеко от Парижа), рано осиротел. После окончания лицея он мечтал о дипломатической службе и стал готовиться к поступлению на юридический факультет и в Школу политических наук. Однако его преподаватель немецкого языка, заметив у своего ученика способности полиглота, порекомендовал ему добиться разрешения на поездку в Россию. В итоге П. Лаббе был командирован к нам французским правительством «для производства этнографических исследований» и, таким образом, стал исследователем Урала, Поволжья, Сибири, Туркестана, Казахстана и Сахалина, а также Монголии и Маньчжурии.²

Позднее П. Лаббе занимал должности генерального секретаря Парижского общества коммерческой географии (1905–1919) и Французского альянса (1919–1935). В 1924 г. он стал командором Ордена Почетного легиона. Скончался путешественник в маленьком нормандском местечке Кароль в период нацистской оккупации Франции.³

Время, в которое странствовал по нашей стране автор настоящей книги, было периодом военно-политического союза России и Франции, возникшего в 1891 г. На фоне сближения двух стран между ними активизировалось культурное сотрудничество, возрос интерес к русской истории, началось своеобразное открытие для французов загадочного и непонятного для них нового союзника. Тема России становится частой не только на страницах французских газет, но и в гуманитарной науке Франции. Известные французские слависты Ж. Легра, Л. Леже, Э. М. Вогюэ, А. Леруа-Больё и другие их коллеги старались постичь мучившую Запад не одно столетие загадку русской души. В Россию потянулись французские журналисты, путешественники, ученые. В 1896 г. Министерство просвещения Франции инициирует поездки сюда П. Лаббе.

Сегодня его путешествия, если рассматривать их как научные мероприятия (хотя такими они не являлись), назвали бы индивидуальными полевыми выездами. И действительно, вторая половина XIX – начало XX веков – это время «путешественников-одиночек», а не экспедиций.⁴ П. Лаббе был одним из тех, кому нравилось преодолевать границы и открывать новый для себя мир.⁵ Он жил в золотую эпоху травелога, когда путевой дневник являлся не только результатом поездки, а ее необходимым условием и целью.⁶ В отличие от многих своих современников П. Лаббе не гнался за экзотикой, а анализируя характеры, или, как тогда говорили, «физиологии», пытался проникнуть в самую суть народа, в душу страны, которую изучал.

¹ Исключение составляет обзор итогов его поездки на Сахалин в 1899 г.: Севела М. Вести и размышления из Франции // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2015. № 19. С. 26–32.

² Он также путешествовал по Сербии и Румынии и тоже оставил об этом записки.

³ Дом (двухэтажный), где в начале XX в. жил в Париже П. Лаббе (rue Montaigne, 14 bis. См.: Bulletin de la société de géographie de Lille. Lille, 1er semestre de 1911. Liste des membres. P. 2), сохранился, и его можно посмотреть на панорамном снимке карт Google.

⁴ Севела М. Указ. соч. С. 26.

⁵ Головнев А. В. Антропология путешествия: от imago mundi до selfie // Уральский ист. вест. 2016. № 2 (51). С. 11.

⁶ Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 255.

Как отмечали современники, французский географ был любознательным, прекрасно говорил по-русски, отличался отменным здоровьем и весельем.⁷ В поездках у П. Лаббе был «моментальный аппарат» (так называлась тогда новейшая фотокамера «Кодак»), которым он старался запечатлеть все самое интересное. Его путевые записки стали тогда для многих подлинным откровением. Во многом благодаря ему география азиатской России стала хорошо известна во Франции и в Европе в целом.

Книга, которую сейчас держит в руках читатель, посвящена рассказу о поездке ее автора в Поволжье, на Урал и в Прикаспий летом и осенью 1898 г. Путь П. Лаббе отчасти проходил по маршруту, по которому за несколько десятилетий до него совершили свои путешествия известные французские писатели А. Дюма и Т. Готье⁸, оставившие об этом интересные воспоминания.

Однако описания П. Лаббе далеко не столь пластически выражены, живописны и информативны, чем у двух вышеназванных авторов. Для него характерно стремление представить Россию в ее обычном, повседневном состоянии. В отличие от Т. Готье, оставившего яркий рассказ о нижегородской ярмарке, П. Лаббе показывает Нижний Новгород вскоре после ее окончания, когда жизнь в городе входит в будничную колею. И даже поведав о своем личном участии в православном празднике в Казани, он предварительно старается представить читателю обыденное бытие этого губернского центра. Нет у него и характерной, скажем, для А. Дюма тяги к натужной развлекательности, обширных экскурсов в русскую историю – в конце XIX в. эти сведения, этот ракурс видения России французам уже были не нужны.

Путешествие П. Лаббе достаточно четко делится на три части: по Поволжью, на Южный Урал и к уральским казакам. Первая часть его маршрута представляет собой заметки очевидца, наблюдающего жизнь населения России в основном с палубы парохода. «Путешествие на пароходе, – отмечает современный исследователь литературы травелогов, – не предполагает физического контакта с окружающим. Путешественник находится в состоянии созерцателя, фланера, он не испытывает физической нагрузки, не преодолевает пространство, а свободно движется мимо него. Преобладает не пространство, а впечатление о нем... Зрение становится основным инструментом восприятия... Ракурс обзора в речном путешествии – линейный, взгляд прикован к линии берега, пространство сгруппировано вдоль оси реки... Пространство берега предстает неким складом артефактов местной жизни. Вглядываться не позволяет скорость путешествия, и это, безусловно, накладывает отпечаток на характер восприятия. Описание впечатления больше напоминает зафиксированную копию окрестного пейзажа – быструю фотографию, в основе которой лежит репортажное воспроизведение»⁹. П. Лаббе и сам признается, что с палубы много не увидишь, а с учетом того, что на подверженной широким весенним разливам Волге населенные пункты стоят далеко от берега, возможности путешественника и вовсе ограничиваются в основном пристанями. Поэтому обычными эпитетами, которыми П. Лаббе награждает волжский пейзаж, являются прилагательные «скучный», «неинтересный», «унылый» и т. п. Впрочем, монотонность российского ландшафта – это общее место у многих зарубежных путешественников, в частности А. Дюма.

И еще одно важное замечание. Скорость, с которой передвигался на пароходе автор настоящей книги, для конца XIX в. была уже не предельной. Железная дорога позволяла преодолевать пространства еще быстрее, но она никак не подходила для путешественника, поскольку сводила к минимуму возможности наблюдений, ради которых П. Лаббе и оказался

⁷ Севела М. Указ. соч. С. 27.

⁸ Рус. пер.: Дюма А. Путевые впечатления: в России. М., 1993. Т. 1–3; Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. М., 2009; Дюма А. Собрание сочинений. М., 2010. Т. 73, 74; Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. В справочном аппарате этих работ содержится подробный анализ путешествий указанных авторов по нашей стране.

⁹ Власова Е. Г. «Дорожные дискурсы» уральского травелого XVIII – начала XX вв. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6. С. 118.

в России. Поэтому этот вид транспорта им совершенно игнорируется. А если того требовали обстоятельства, например необходимость тщательной фиксации окружающей действительности, автор смело прибегал к использованию медленных и архаичных средств передвижения – тарантасов и телег. Все это, однако, не говорит о том, что путешественник был чужд технических новинок: как было сказано, самым современным фотоаппаратом он пользовался часто и весьма эффективно.

В описании П. Лаббе абсолютно доминирует характерная для «Путешествия в Россию» Т. Готье «импрессионистичность», фиксирующая лишь то, что попало в поле зрения писателя.¹⁰ Причем эта тенденция наиболее сильно выражена в рассказе о путешествии по Поволжью и ослабевает, когда автор оказывается на Южном Урале или у казаков. Если освоение культурного пространства нашей страны у Т. Готье и, в частности, у его предшественника А. Мериме («Один год в России», 1847) происходит через эстетику дуально противоположных времен года (сочинения обоих авторов состоят из двух частей – «Зима» и «Лето»¹¹), то П. Лаббе познает выбранный им для изучения регион исключительно летом. Однако в его книге также прослеживается дуалистичный подход, только он не поэтический, как у названных выше авторов, а скорее цивилизационный, в котором относительно культурное Поволжье противопоставлено дикому Южному Уралу (точнее, той его части, которая не затронута цивилизацией) и представляющему собой смесь варварства и цивилизации уральскому казачеству. И все же Россия в описании П. Лаббе – страна весьма традиционная, с едва пробивающимися сквозь плотный слой архаики отдельными островками модернити, которые сами все пронизаны традиционализмом. Вместе с тем, оценивая ее в своей, «цивилизованной» системе координат, автор делает это с большим уважением: период франко-русского сближения сказался на творчестве П. Лаббе в полной мере.

Значительная часть книги посвящена описанию поездки к башкирам современных Ишимбайского и Альшеевского районов Республики Башкортостан¹². Если до этого автор в основном наблюдал жизнь с палубы парохода, то теперь, свернув с широкого тракта, слез с тарантаса и углубился в местность, которую редко посещали путешественники. Архаичность башкирского мира, описанного П. Лаббе, подчеркивается и старинным способом путешествия по нему, применявшимся только в XVIII в.: верхом или на повозке. Сам автор вряд ли осознавал (как будет показано ниже, труды предшественников, как французов, так и русских, посещавших эти места, ему были, скорее всего, неизвестны), что попал не просто в другой мир, но и в другую эпоху, к башкирам времен Екатерины Второй, ставших объектом описаний путешественников эпохи Просвещения, а его путешествие в Башкирию и по направлению, и по способам перемещения сильно напоминало академические экспедиции на Урал в XVIII в.

Дискурс описания уральского пространства в те годы, во времена поездок П. Палласа и И. Лепехина, «определялся самым тесным взаимодействием путешественника с окружающим ландшафтом. Путешествия этого типа наполнены тактильными контактами. В них преобладает ощущение тесноты пространства, его плотности и труднодоступности. Лес вдоль дорог стоит стенами... Плотность контакта с окружающим миром проявляется также в спонтанном этно-

¹⁰ Подробнее см.: Ощепков А. Р. Россия в книге Т. Готье «Путешествие в Россию» // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 155.

¹¹ Там же. С. 154, 156. У А. Мериме раздел «Лето» посвящен Москве, а «Зима» – Санкт-Петербургу.

¹² В то время понятие «Башкирия» носило культурно-географическое значение, точных границ ее не было. Поэтому в другой своей работе П. Лаббе уточнял: «Под Башкирским краем в данном исследовании подразумевается преимущественно Стерлитамакский уезд, который я прошел вдоль и поперек и который составляет основу Башкирии, населенную как степными башкирами, изменившими свой образ жизни под влиянием прибывших сюда переселенцев и новой ситуации, так и горными, полностью избежавшими русского влияния» (Лаббе П. Русская колонизация в Башкирии // Протоны Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. СПб, 2015. С. 88). Подробное экономическое описание этой территории см.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Самара, 1899. Т. II. Стерлитамакский уезд.

графизме путевых записей: путешественник останавливается у местных жителей, включается в их быт, становится свидетелем их обрядов. Тесный контакт с культурой коренных народов приводит и к знакомству с национальной кухней. В образ пространства начинают проникать вкусовые впечатления путешественников»¹³. Все это мы наблюдаем и в описании путешествия П. Лаббе к башкирам. Он обращает внимание читателя на дремучий лес, через который только и можно попасть в неведомую полукочевую культуру¹⁴, на труднопреодолимые горные массивы, на постоянные препятствия-границы в виде рек, на непривычные для европейца блюда, которые есть противно, но приходится. Триединство горы, леса и реки, определяющие специфику уральского пространства¹⁵, проявляется в описаниях П. Лаббе в полном объеме.

П. Лаббе, в соответствии с существовавшей тогда в русской науке классификацией¹⁶, подразделяет башкир на степных и горных (в современной литературе – горнолесных), отмечая, что последние лучше всего сохранили характерные особенности своей традиционной культуры.¹⁷ Конечно, автор настоящей книги не был профессиональным этнографом. Он скорее журналист-путешественник, чем строгий ученый.¹⁸ Неизвестно, изучал ли он предварительно по имеющейся литературе те места, которые планировал посетить. Во всяком случае, из текста книги не видно, что ему были знакомы сочинения путешественников, которых мы назовем ниже. В этом он продолжает традицию Т. Готье, который, как известно, описывал почти «исключительно непосредственные авторские впечатления от России... Готье не пытается блеснуть эрудицией, демонстрируя свои познания о России, не дает никаких исторических экскурсов, справок, отсылок»¹⁹.

Между тем что касается Башкирии, то до П. Лаббе в ней уже побывали известные французские исследователи Ф. Лепле, Ш.-Э. Уйфальви, П. Ж. Камена д'Альмейда²⁰, собравшие этнографический, антропологический и фольклорный материалы; публикации, сделанные ими по итогам своих поездок, сформировали у французской научной общественности представления об этом народе, в частности его происхождении и культуре.²¹ Правда, в отличие от них

¹³ Власова Е. Г. Указ. соч. С. 116.

¹⁴ Глухие места восточной части Стерлитамакского уезда, в частности Гирей-Кипчакская волость, где побывал П. Лаббе, действительно представляли тогда сплошной лесной массив: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. II. С. 679.

¹⁵ Власова Е. Г. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Малиев Н. Антропологический очерк башкир: публичная лекция // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1876. Т. 5, вып. 5. С. 32.

¹⁷ Именно в восточной части Стерлитамакского уезда, куда отправился П. Лаббе, у зажиточных башкир еще продолжал эпизодически сохраняться прежний кочевой тип хозяйства (Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. II. С. 51), который, однако, был больше данью традиции, чем экономической необходимостью (Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 129). Более подробное, чем у П. Лаббе, описание см.: Никольский Д. П. Из поездки к лесным башкирам. М., 1895.

¹⁸ Севела М. Указ. соч. С. 26.

¹⁹ Ощепков А. Р. Указ. соч. С. 155.

²⁰ Le Play F. Les ouvriers européens: étude sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l'Europe; précédées d'un exposé de la méthode d'observation. 2 ed. Paris: A. Mame et fils, 1877. Vol. 2. P. 1–46 (рус. пер.: Из работы Ф. Лепле «Башкиры – скотоводы, ведущие полукочевой образ жизни (Восточная Россия)» // Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / сост. А. З. Асфандияров, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа, 2012. С. 214–261); Ujfalvy de Mezö-Kovesd Ch. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 3. Les Bachkirs, les Vêpses et les Antiquités finno-ougriennes et al-taïques. Paris: E. Leroux, 1880. P. 51–71 (рус. пер.: Уйфальви де Мезо-Ковезд Ш.-Э. Страна башкир на Урале // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой. С. 60–71); Camena d'Almeida P. La colonisation russe dans les gouvernements d'Oufa et d'Orembourg // Annales de Géographie. 1899. Vol. 8, № 38. P. 127–140 (рус. пер.: Камена Д'Альмейда П. Ж. Русская колонизация Уфимской и Оренбургской губерний // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. С. 72–85).

²¹ Нельзя не отметить и работу итальянского исследователя и путешественника С. Соммы, также оставившего описание своего посещения башкир: Sommier S. Un estate in Siberia fra Ostiac-chi, Samoiedi, Sirieni, Tatars, Kirhisi e Baskiri. Firenze; Torino; Roma: Ermanno Loescher, 1885 (рус. пер.: Соммы С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. Томск, 2012. С. 541–580).

записки П. Лаббе были рассчитаны на более широкого читателя, они насыщены бытовыми подробностями, личностными характеристиками, передают атмосферу, в которой живут его собеседники, хотя автор не всегда бывает точен в тех областях, которые требуют глубоких научных знаний. Исторические экскурсы, которые в предлагаемой читателю книге в отличие, скажем, от путевых записок А. Дюма сведены к минимуму, не являются сильной стороной автора.

Так, например, объяснение П. Лаббе происхождения башкир от массагетов – это крайнее упрощение проблемы, причем большинство его современников высказывались по этому вопросу иначе, более основательно и, как показало дальнейшее развитие науки, в основных чертах верно. В частности, соотечественник П. Лаббе, востоковед и путешественник Ш.-Э. Уйфальви, суммировав сведения, известные к тому времени науке, и используя результаты собственных антропологических и этнографических изысканий, в 1880 г. пришел к выводу, что «башкиры проживают на своей нынешней родине с глубокой древности, являются угро-финским племенем, принявшим язык своих завоевателей – татар», и «только антропология в состоянии дать нам точные сведения об их происхождении»²². Согласно П. Ж. Камена д'Альмейда, башкиры «были финского происхождения, но впоследствии тюркизировались»²³.

Нельзя сказать, что П. Лаббе был первопроходцем изучения процесса российской колонизации Башкирии, особенностей решения правительством России земельного вопроса у башкир. Эти проблемы не только подробно изучались русскими коллегами ученого, но рассматривались, в частности, в уже упоминавшейся статье П. Ж. Камена д'Альмейда. Тем не менее автор изучил этот вопрос гораздо подробнее, чем его предшественник.²⁴ Наряду с этим П. Лаббе дополняет статистические данные своими наблюдениями – метод, который в середине XIX в. уже использовал применительно к башкирам французский социолог Ф. Лепле. Это позволило исследователю сделать вывод, что реальная арендная цена башкирских земель была выше той, которая указывалась в акте купли-продажи, поскольку включала в себя еще и нигде не оговариваемую сумму, длительное время уплачиваемую переселенцами башкирам в качестве взятки.

Согласно П. Лаббе, такая «наценка» составляла до 5 руб. за десятину. Если учесть, что, по его мнению, средняя цена аренды десятины земли не превышала 40 коп. в год, то становятся понятными последующие попытки арендаторов перехитрить арендодателей – они хотели вернуть себе затраты на взятки. Разумеется, поверхностные и кратковременные наблюдения П. Лаббе нельзя считать универсальными. Земельный вопрос в Башкирии был сложным и решался различными способами, некоторые из которых вызывали у демократической общественности страны возмущение, выливавшееся на страницы местной и столичной прессы. П. Лаббе, проведя собственное исследование этой проблемы, внес в ее понимание определенные нюансы, которые, к сожалению, не учитывает даже современная региональная историография, однозначно оценивающая земельную политику Уфимской губернии как «грабительскую» и колонизаторскую, в которой коренному населению отводится роль постоянно обманываемого субъекта.

Вернувшись из поездки по Поволжью и Уралу в Париж П. Лаббе предварительно издал две статьи о своей поездке в Башкирию. Одна из них была академической²⁵, вторая рассчитана

²² Уйфальви де Мезо-Ковезд Ш.-Э. Страна башкир на Урале // Протоныции Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. С. 63.

²³ Камена Д'Альмейда П. Ж. Русская колонизация Уфимской и Оренбургской губерний // Там же. С. 82.

²⁴ Современный взгляд на эту проблему см.: Усманов Х.Ф. Указ. соч. С. 56–103; 2006; История башкирского народа / гл. ред. М. М. Кулшарипов. СПб, 2011. Т. IV. С. 261–274; Steinwedel Ch. Threads of empire: loyalty and tsarist authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington, 2016.

²⁵ Labbé P. La Colonisation russe en Bachkirie // Bulletin du Comité des travaux historiques et scientifiques section des sciences économiques et sociales. Paris, 1900. Année. P. 34–55 (рус. пер.: Лаббе П. Русская колонизация в Башкирии. С. 86–107).

на более широкого читателя.²⁶ Часть помещенных в них сведений не вошла в настоящую книгу, поэтому наиболее интересные фрагменты, дополняющие ее, приводятся нами в примечаниях.

7 августа 1898 г. П. Лаббе прибыл в Оренбург, где находился восемь дней. Приехав на Меновой Двор, гость и оренбургские купцы позавтракали в киргизской (казахской) жуламейке – небольшой дорожной юрте. Прибывшие привлекли внимание находившихся на Меновом Дворе по торговым делам татар, бухарцев, хивинцев, киргизов. Для гостей заиграла музыка и был исполнен татарский танец. Воодушевленный приемом, П. Лаббе 11 августа посетил приют для детей-сирот и пожертвовал 50 рублей в их пользу.

23 августа П. Лаббе вместе с управляющим губернией вице-губернатором И. Н. Соколовским побывал в Илецке (ныне г. Соль-Илецк), где «в присутствии вице-губернатора и Лаббе был произведен на почвоуступных работах пороховой взрыв целины штока соли, представившей оригинальное, весьма красивое зрелище...».

24 августа французский гость посетил известного оренбургского краеведа и собирателя фольклора Г. С. Рыбакова (1867–1921), который продемонстрировал несколько образцов татарских и башкирских песен, обработанных для пения с сопровождением фортепиано и предназначенных к печати. Музыкальность некоторых напевов превзошла ожидания Лаббе. Особенно понравилось пение киргизов (казахов) с аккомпанементом на их музыкальном инструменте – домбре. 27 августа П. Лаббе посетил профессионально-педагогическую выставку Оренбургского учебного округа, где интересовался «изделиями учеников из киргиз и башкир».

Из Оренбурга путешественник в начале сентября 1898 г. отправился в Уральск для изучения быта уральских казаков, посетил г. Гурьев, а затем поспешил во Францию «так как он состоит в числе распорядителей по устройству предстоящей в Париже Всемирной выставки...» (она состоялась в 1900 г., и П. Лаббе курировал со стороны Франции экспозицию России). На память об Оренбурге путешественник получил в подарок альбом фотографий с видами губернского центра. В канун 1899 г. он прислал оренбуржцам новогоднюю телеграмму, в которой писал: «Я никогда не забуду приема, который оказал мне ваш город во время исполнения мною моего поручения...»²⁷

Последняя часть книги посвящена рассказу о поездке автора к уральским казакам. Как и первая часть, она не несет особой оригинальности и больше похожа на газетный репортаж, чем на имеющее этнографическую ценность исследование. К тому времени литература о культуре и быте уральского казачества была довольно обширной. Достаточно назвать работы И. И. Железнова и А. Д. Рябинина.²⁸ Существовали гораздо подробные, чем у П. Лаббе, описания казачьего рыболовства.²⁹ Но для широкого французского читателя эта информация была совершенно неизвестна. Тем более что в книге П. Лаббе она подана на широком фоне типажей и нравов большинства слоев населения Уральской области.

Стремление образованного французского обывателя понять Россию, характер и нравы ее населения, в эти годы было особенно сильным и породило большой объем научной, публицистической и художественной литературы: даже действие девяти романов Ж. Верна, никогда не

²⁶ Labbé P. Voyage dans l'Oural (en Bachkirie) // Le Tour du Monde. Journal des voyages et des voyageurs. Nouvelle série. 6e année. 1900. 2e semestre. P. 613–624 (рус. пер.: Лаббе П. Путешествие на Урал (в Башкирию) // Протоны Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX вв. С. 109–123).

²⁷ Подробнее о пребывании П. Лаббе в Оренбурге см.: Судоргина Т. «Симпатии останутся вечно неизменными...» // Вечерний Оренбург. 1998. 19 авг.; Исковский А. Увидеть Оренбург и... сфотографировать // Вечерний Оренбург. 2011. 11 янв.

²⁸ Железнов И. И. Уральцы: очерки быта уральских казаков. М., 1858. Ч. I–II; Рябинин А. Д. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 22. Уральское казачье войско. Ч. I–II. СПб, 1866.

²⁹ Данилевский Н. Я. Описание уральского рыболовства // Исследование о состоянии рыболовства в России. Т. III. Уральские рыболовства. СПб, 1860; Рябинин А. Д. Указ. соч. Ч. I. С. 182–214. Вскоре после поездки П. Лаббе, но еще до выхода его книги были опубликованы подробные этнографические очерки уральского рыболовства: Бородин Н. А. Уральские казаки и их рыболовства. СПб, 1901; Хорошихин И. П. Краткое описание рыболовств Уральского казачьего войска. СПб, 1902.

бывавшего в нашей стране, происходит в России. Конечно, от автора, в течение лета и отчасти осени объехавшего и затем охарактеризовавшего в своей книге огромную территорию, нельзя было ожидать разработки полноценной модели российской цивилизации, да он и не ставил перед собой этой цели. Россию, даже ее часть, нельзя объективно описать в небольшом сочинении.

Естественно, выбор П. Лаббе местностей, тем и сюжетов субъективен и не может ни в малейшей мере претендовать на репрезентативность. Скорее, это отдельные живые, сочные и занимательные мазки, но никак не академический отчет. Не зря французский издатель, анонсируя выход «По дорогам России...», отмечал, что книга П. Лаббе читается как роман.³⁰ Его сочинения были рассчитаны на широкого читателя, которому хотелось узнать о неизвестных землях, расположенных на территории России, которая во время его путешествий была одним из лучших друзей Франции. Как справедливо заметила М. Севела, П. Лаббе «прежде всего замечательный рассказчик», с «живым языком, не лишенным иронии (и самоиронии)»³¹. Юмор, пронизывающий эту и остальные книги автора о России, кроме придания им занимательности выполнял и важную социальную функцию: он способствовал разрушению тех негативных стереотипов восприятия нашей страны в глазах французов, которые сложились у них от чтения сочинений Ж. Ш. д'Отроша, А. де Кюстина и ряда мемуаров ветеранов наполеоновских войн.

За книгу «По дорогам России от Волги до Урала» Французская академия «бессмертных» (Académie Française) в 1906 г. наградила П. Лаббе Фабианской премией, учрежденной в 1897 г. для авторов, «которые предложили наиболее справедливые, эффективные и реальные пути для улучшения морального и материального положения наиболее многочисленного класса».

Примечания автора помечены как «прим. авт.», научного редактора книги – без обозначения. Части I–II и гл. 8–10 части III переведены А. Ш. Губайдуллиной, гл. 11 части III – Л. Ф. Сахибгареевой.

И. В. КУЧУМОВ,

кандидат исторических наук

³⁰ L'Est Républicain. 1904. 14 nov. P. 3.

³¹ Севела М. Указ. соч. С. 30.

Поль Лаббе

Часть первая

Путешествие по Аолге

Глава первая

Волга – На русском пароходе –

Нижний Новгород и ярмарки

«Матушка Волга», как любовно называют ее русские крестьяне в своих песнях и сказаниях, является крупнейшей рекой Европы. Она, в отличие, например, от Дуная, не связывает торговлей несколько стран, а протекает по территории одного государства и впадает во внутреннее море. И тем не менее эта река, соединяя русских с Каспийским бассейном, обеспечивает России торговлю с Персией и Центральной Азией, а также играет важную роль в экономике империи.

Поволжье в три раза превосходит площадь Франции и охватывает девять губерний, по реке ходят тринадцать сотен пароходов и около тридцати тысяч грузовых судов, груженых дровами, углем, керосином, солью, соленой рыбы, скотом, персидскими и туркестанскими товарами.

Вблизи Твери ширина Волги составляет 200 м, около Костромы – 600 м, у Нижнего Новгорода – 760 м, а под Саратовом превышает 4800 м. В период весеннего паводка она разливается еще шире. Зимой, длящейся здесь пять месяцев, навигация прекращается, а летом река сильно мелеет. В это время речные суда либо вообще стоят на приколе, либо опаздывают на несколько часов и даже дней. При подходе к Астрахани фарватер реки постепенно заиливается. Система каналов связывает Волгу с другими реками России, облегчая и удешевляя транспортировку грузов внутри империи.

Вплоть до Твери могут ходить только маломерные суда, крупнотоннажные – только от Нижнего Новгорода вниз по течению. Однако русские и иностранные путешественники зря игнорируют верховья Волги. В Твери, например, имеется несколько восхитительных церквей, есть своя изюминка и в Рыбинске – процветающем, но скучноватом купеческом городе. Что касается Ярославля, то это самый очаровательный и живописнейший из всех русских городов, который в последнее время вообще похорошел благодаря торговле. Когда завершится строительство железной дороги на север, он станет крупной станцией на протяженной магистрали, которая свяжет Москву с Архангельском, а Центральную Россию – с берегами Белого моря.

Всякий любитель русского искусства должен обязательно побывать в этом городе и увидеть великолепные шедевры его церковной архитектуры, в частности храм Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечи), построенный в 1680 г. Его великолепные фрески иллюстрируют старинные жития святых.³² Тот, кто не посетил Ярославля, многое потерял, поскольку, например, Кострома, расположенная ниже по течению, уже не столь живописна и не так богата росписями и величественными сооружениями.

³² Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове – один из знаменитейших памятников ярославской архитектуры. Объект культурного наследия (памятник истории и культуры) федерального значения. Строилась с 1671 по 1687 г. в Толчковской слободе, на правом берегу Которосли. 45-метровая колокольня была построена позже, в 1690 г. Роспись велась в 1694–1695 гг. артелью ярославских живописцев во главе с Дмитрием Плехановым и Фёдором Игнатьевым. В оформлении стен использованы изразцы. Пятнадцать глав церкви разбиты на три группы. Изображена на оборотной стороне банкноты номиналом 1000 рублей Банка России образца 1997 г.

В этих местах река не столь широка и позволяет увидеть с палубы парохода немало интересного. Местное население состоит из славян, и лишь с Нижнего Новгорода начинают попадаться представители финских, татарских и монгольских рас. На берегах можно увидеть угро-финнов, пермяков, мордву, чувашей и черемис, калмыков, татар, турок, киргизцев³³ и другие народности, названия коих я уже и не припомню.

Суда, используемые на крупных русских реках, как правило, весьма комфортабельны, ведь путь по Двине, Волге, Оби, Лене или Амуру нередко занимает 8–10 дней. Путешествие по Волге – это, как я уже сказал, обычная поездка, которая у русских всегда вызывает восторг, хотя, конечно, туры по Финляндии, Кавказу или восхитительному Крыму могут показаться более увлекательными. Берега Волги и ее притоков довольно однообразны, и хотя там можно найти немало живописных мест, обычно прибрежная полоса состоит из песка и, как правило, низкая; противоположный же берег более крутой. Изб здесь мало, они стоят вдалеке от берега на сваях, поскольку во время паводка река сильно разливается вширь.

Церковь в Ярославле

На пути следования постоянно встречаются бурлаки, тянущие длинные баржи с гурьевской икрой, астраханскими кожами, бакинским керосином, азиатским чаем, самарским хлебом, салом и киргизским скотом. По воде медленно плывут бесчисленные плоты, идущие из костромских лесов, с причаливающих к судам маленьких баркасов местные жители предлагают пассажирам и кокам карпов, подкаменщиков, стерлядей и осетров.

Крупные русские реки очень широки, поэтому жизнь прибрежного населения остается для путешественника тайной за семью печатями. За один день плавания по Рейну, Эльбе и Роне можно увидеть больше, чем за неделю круиза по Волге, но русские к этому давно привыкли.

Днем монотонность волжского пейзажа утомляет и раздражает, но вечером, и особенно после захода солнца, начинаешь ощущать величие этой огромной реки. О, какие там дивные закаты! А насколько восхитительна ночь, что постепенно обволакивает корабль! Вода как бы покрывается тонкой пленкой, и вы теряете ориентацию в пространстве. То тут, то там вспы-

³³ Киргизы (киргизцы) – устаревшее название казахов.

хивают красные или зеленые огни проходящих где-то рядом огромных судов. На реке царит абсолютное безмолвие, изредка прерываемое жалобным криком вспугнутой чайки, то и дело тишину нарушают всплеск весел и пение, раздающееся из медленно плывущей по течению лодки.

Но если за бортом корабля жизнь кажется унылой, то на палубе все наоборот. С вами едут татары и евреи, пытающиеся всучить вам свой товар даже здесь, реже можно встретить чувашей, подвижных и веселых мордвинов, суровых и молчаливых калмыков и башкир, обходительных и словоохотливых китайцев, еще реже – киргизцев и туркменцев, и в избытке персов и армян; последние промышляют торговлей, причем делают это лучше татар и склонны к жульничеству. С армянами, которые съели на ростовщичестве пуд соли, вообще следует держать ухо востро.

Ну и, наконец, большинство пассажиров речных судов составляют русские. Что бы ни произошло с кораблем – опаздывает ли он, сядет ли на мель или припозднится в пункт назначения, – они всегда отнесутся к этому со смирением: на все, мол, воля божья! Главная черта русского человека – это терпение, которое, он верит, ему обязательно воздастся. Русские не полагаются на власти, знают, что корабль обязательно прибудет с опозданием, и, в отличие от нас, понимают, что не пароходства обслуживают путешественников, а путешественники предназначены для пароходств. Для русского главное, чтобы было побольше водки и закуски, чтобы дымился самовар, чтобы под рукой всегда были игральные карты, а вокруг – веселая компания. Зачем зря переживать: пароход рано или поздно все равно придет к месту назначения. Время для русских – понятие растяжимое, поэтому все они по сути философы.

Пристани и люди на них почти везде одинаковы. Обычно селения располагаются на крутом берегу далеке от причала, но иногда все же можно увидеть сараи, примитивные избы, а вдалеке деревянный городок, с домами, теснящимися вокруг выбеленной известкой церкви с красным или зеленым куполом. Услышав корабельный гудок, люди пешком, на повозках или верхом устремляются к пристани.

Пассажиры гуськом идут по понтону, впереди всегда вышагивает, как правило, поддатый полицейский. С борта бросают сходни, и все, активно работая локтями, устремляются на этот шаткий и опасный мостик. Пристани притягивают множество нищих. Вот старик, сквозь лохмотья которого выглядывает иссушенное тело, кланчит у пассажиров милостыню, обращаясь к ним то «батюшка», то «дружок», другие демонстрируют рубцы и гноящиеся язвы на ногах, лица, обезображенные ужаснейшей из всех болезней³⁴.

Матросы и грузчики гонят всех их прочь. Монашки, кажется, не мывшиеся с тех пор, как приняли постриг, выпрашивают пожертвования своим монастырям, крестьянки громко зовут покупателей:

- Возьми мою земляничку, батюшка!
- Купи-ка молочка, хозяин!
- Смотри, какой у меня вкусный хлеб!

Тут же к услугам путешествующих стоят дрожки, кои, кажется, помнят еще времена Екатерины Великой³⁵. Ими управляют одетые в тяжелые, усыпанные блохами кафтаны кучера, в густых и длинных бородах которых, никогда не знавших гребня, полно хлебных крошек, табака и пыли.

На маленьких пристанях пассажиров садится мало, но каждый тащит с собой огромное количество пожитков. Толстошекие и чумазые ребяташки цепляются к женским юбкам. Совсем уж мальцов, одетых в простые цветные рубашонки, бабы несут, как узлы с грузом, под мышкой, и их голые ножки болтаются в воздухе.

³⁴ Речь идет о проказе (лепре).

³⁵ Екатерина II Алексеевна Великая (1729–1796) – императрица Всероссийская с 1762 г.

Звеня шпорами, с гордо поднятой головой поднимается на палубу обер-офицер с саблей. Расступившись перед ним, пассажиры затем вновь сбиваются в толпу, причем одни пытаются занять места получше, а другие проскочить без билета. Чего только не увидишь перед окошком кассы! Мимо простых татар, едущих в третьем или четвертом классе со своими закутанными в покрывала благоверными, движется их спесивый соплеменник-богач в сопровождении одетых на русский манер и с открытыми лицами жен. Он старается походить на русского, но его выдает физиономия. А вон идет длинноволосый рыжий поп с женой и целым выводком детей. Наконец, появляется русская семья с носильщиками, нагруженными подушками, матрацами, одеялами, зонтиками, сумками, чемоданами, сундуками и самоварами. Юноши откровенно пялят глаза на женщин, среди коих особенно выделяются своими несуразными платьями и дородностью форм купчихи.

Едва пароход отчаливает, новые пассажиры укладываются спать, отдыхают или приступают к еде. Из сумок вынимаются чай, икра, колбаса, сыр, коробки с сардинами, булки и водка, салфетки, носовые платки и сигареты, в самовар заливается вода. Все рассаживаются за столы и начинают есть.

Всю ночь напролет люди режутся в карты. Некоторые азартные игры на кораблях запрещены, но капитан и сам не прочь поиграть с пассажирами.

На палубе непрерывно звучит фортепиано. Хотя русские изумительно музыкальны и среди них встречаются великолепные исполнители, они, по причине собственной лени, являются самоучками.

Пассажирские классы мало отличаются друг от друга, разве что третий и четвертый выглядят чуть попроще. Русские не обращают внимания на социальные различия, поэтому уже через несколько часов все пассажиры и даже команда корабля стали моими приятелями.

Мужики спят на палубе на спине или на брюхе прямо в одежде, разбросав в стороны разутые ноги, их жены посапывают рядом в тех же позах, в расстегнутых рубашках, в обнимку с ребенком, сосущим грудь. Проснувшись, они едят, играют в карты, орут песни и пляшут под гармошку. Ссорятся они часто и жестоко, ночью могут предаться любовным утехам прямо на палубе. Помню, возвращался я как-то в Нижний Новгород по Оке, одному из крупнейших притоков Волги. Перегнувшись через перила, я увидел внизу сидящего на самом носу корабля матроса, в чьи обязанности входило следить за фарватером реки на мелководье. Разложив землянику, огурцы и чай, он вздумал перекусить. Недалеко, на канатной бухте, притворившись спящей, лежала дородная крестьянка. Она украдкой подглядывала за матросом, а он тоже заинтересованно посматривал на эту бабенку в теле. Сперва они перемигнулись, затем улыбнулись друг другу, потом он угостил ее земляничкой, и как только достал бутылку водки, она принялась пить ее прямо из горла, многозначительно задрав подол юбки. Тем временем решительная рука матроса постепенно поднималась по мясистой ляжке крестьянки все выше и выше... То, что произошло дальше, описывать здесь, конечно, нельзя, но на следующий день я не удержался и поздравил его с успехом. Он захохотал и восхищенно заметил:

– Удивительно, сколько баба может выпить!

За время плавания мы стали с ним закадычными друзьями, добрый малый оказался любителем хлебнуть и затем поговорить по душам. Когда один пассажир однажды сообщил ему, что я француз, он удивленно посмотрел на меня и спросил:

– Так ты что же, оказывается, не наш? Вот так новость! Я никогда бы не подумал, что вы такие же, как мы!

До этого сей матрос полагал, что иностранец должен чем-то отличаться от его соотечественников. На мой вопрос, знает ли он, где находится Франция, парень ответил утвердительно. Для него, как, впрочем, и для большинства русских мужиков, Россия была окружена морем, а Франция располагалась за ним. Пытаясь рассеять его заблуждение, я сказал, что из Парижа в Петербург можно попасть по железной дороге.

– Врешь, братец, – не поверил мне матрос, – уж я-то знаю, как есть на самом деле, у меня сродственник жил в Петербурге, так вот он мне рассказывал, что твой царь приплыл к нашему на пароходе!³⁶

Мне пришлось признаться самому себе, что матрос отчасти был прав.

Тем временем наш пароход приближался к устью Оки. Справа на крутом склоне Дятловых гор³⁷ постепенно появлялся Нижний Новгород, изумительно красивый благодаря своим разноцветным колокольням и зеленым террасам, а на противоположном, низком, берегу стоял еще один город, оживающий только на два месяца в году во время известной на весь мир ярмарки.

Нижний Новгород, или, как попросту называют его мужики, Нижний, с палубы корабля или правобережья Оки выглядит просто очаровательно. Недалеко от слияния ее с Волгой летом устанавливают большой понтонный мост, который после закрытия ярмарки разбирают: весной его может унести во время ледохода, а зимой через реку переправляются на санях.

В город можно подняться по зигзагообразной дороге, но путь можно сократить, если воспользоваться лестницей или запущенным несколько лет назад электрическим фуникулером. С прорезанных глубокими оврагами Дятловых гор открывается чудесный вид на Оку и Волгу, ширина их в этих местах составляет примерно по семьсот метров. Посреди Оки расположен длинный песчаный остров, который в паводок почти полностью уходит под воду, поэтому дома там стоят на сваях. На огромной равнине прямо у реки раскинулся большой город, состоящий из бараков, магазинов и лавок, открывающихся только во время ярмарки. По Волге и Оке плавают большие суда наподобие американских, а также буксиры, плоты и рыбацкие лодки. На окраине Нижнего Новгорода возвышается красивая Рождественская церковь с белоснежной резьбой и красными стенами, немного напоминающая загородный дом.³⁸ Спасо-Преображенский собор выглядит не столь привлекательно – это большое четырехугольное и унылое сооружение, но с довольно красивыми стенными росписями.³⁹

Я четыре раза бывал в Нижнем Новгороде и всегда восхищался его просторными улицами, большими домами, широкими и ухоженными лавками. В городе всегда царит суета, в нем множество мужиков, одетых в черные и белые бараньи тулупы мехом вовнутрь, а грязной и плохо выделанной кожей наружу. Мужчины и женщины одеваются и обуваются почти одинаково, поэтому их можно различить только по наличию бороды.

На вершине холма вблизи большой площади возвышается Нижегородский кремль с одиннадцатью башнями и бульваром; его Дмитриевская башня датируется 1374 г.⁴⁰ Итальянский архитектор Петр Фрязин⁴¹ соорудил кремль в 1511 г., но позднее его не раз перестраивали. С башни открывается восхитительный вид на красавицу Волгу с ее большими зелеными и желтыми островами, на бескрайнюю степь, затапливаемую весной. Над рекой нависают террасы прекраснейшего Александровского сада⁴². Спустившись по крутой и извилистой дороге, я

³⁶ Речь идет о визите президента Франции Ф. Фора 11(23)–14(26) августа 1897 г. Он прибыл в Кронштадт на флагманском броненосце «Потюо» в сопровождении кораблей французской эскадры.

³⁷ Дятловы горы – семь холмов, расположенных по правым (высоким) берегам рек Ока и Волга в месте их слияния. На них был основан Нижний Новгород.

³⁸ Церковь Собора Пресвятой Богородицы, более известная как Рождественская или Строгановская, – действующая православная церковь, расположенная на Рождественской улице Нижнего Новгорода. Построена в 1696–1719 гг.

³⁹ Спасо-Преображенский кафедральный собор находился в юго-восточной части Нижегородского кремля. Построен в 1830–1834 гг., в 1929 г. взорван.

⁴⁰ Дмитриевская (Дмитровская) башня – главная башня Нижегородского кремля, выходящая на площадь Минина и Пожарского. Построена в начале XIV в. Является неофициальным символом Нижнего Новгорода.

⁴¹ Петр Фрязин (Пьетро Франческо, годы жизни неизвестны) – итальянский архитектор.

⁴² Александровский сад – парк в центре Нижнего Новгорода, основан в 1835 г. Назван в честь императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая I. Расположен на склонах Волги, в границах Верхневолжской и Нижневолжской набережных, стен Нижегородского кремля и комплекса трамплинов на площади Норманова. Площадь сада около 35 га.

оказался у увенчанных зелеными крышами белых стен Печерского монастыря⁴³. Рядом уютно расположилось кладбище⁴⁴. Когда я бродил среди могил, ко мне подошел высокий монах и пригласил заглянуть в монастырские покои.

⁴³ Вознесенский Печерский монастырь – ныне действующий мужской монастырь Нижегородской епархии Русской православной церкви в Нижнем Новгороде, основан в 1328–1330 гг.

⁴⁴ Было закрыто в 1926 г., уничтожено в 1936 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.